

Расшифровка интервью

Дата: 06.02.2015

00:00:02

Бушмин Иван Лукич.

00:00:10

С какого года Вы?

24 ноября 1926 года.

00:00:18

Где родились, Иван Лукич?

Курганская область, Кировский район, Купайский сельсовет, деревня Патриарша.

00:00:31

Кто были бабушка, дедушка, папа, мама?

Папа и мама — колхозники. А дедушка, он был крестьянин, еще коллективизации не было его.

00:00:52

Как звали папу?

Лука Иванович.

00:00:57

А маму?

Мария Егоровна.

00:01:01

А дедушку помните, как звали?

Егор Сергеевич.

00:01:08

Это по папиной или по маминой стороне?

По маминой. По папиной стороне — Иван Иосипович.

00:01:20

Расскажите, пожалуйста, про детство. Что-нибудь помните, какое детство было? Ну вот самое такое раннее.

Раннее детство? Ну что, в колхозе жили.

00:01:37

А с какого года колхоз-то был? С какого года?

Я как раз, мне сколько было? Ну лет 8-10. Коллективизации началась.

00:01:59

А как проходила? Что такое вообще коллективизация? Вот как людям современным, которые не знают, что это такое, как рассказать молодым? Что это такое было?

Ну как вам сказать. Были крестьяне, стали их соединять в коллектив. Это крестьян собирали в коллектив. Вот этот назывался «колхоз».

- 00:02:32 **Хотели сами крестьяне идти в этот коллектив?**
По-разному.
- 00:02:39 **Кто-то хотел, кто-то нет, да?**
Кто-то хотел, кто не хотел. По-разному.
- 00:02:44 **Ну а если вот вы не хотите, то можно было не идти?**
Кто не хотел, то из деревни убежали.
- 00:02:56 **Это как?**
Ну выезжали из деревни куда-нибудь, в города, в другие. Чтобы в колхоз не попасть. Уезжали. Вообще-то коллективизация, с одной стороны и насильно оно было, я так могу сказать.
- 00:03:24 **А это как — было насильно?**
Ну не хочешь — у тебя лошадь отберут.
- 00:03:34 **А помните какие-то такие случаи, чтобы на Вашей памяти, Вы же уже были такой?..**
Я помню, конечно.
- 00:03:41 **А расскажите, как это было?**
Вот рядом с нами жил Гурбунов Григорий Иванович, он не хотел в колхоз. Он запряг свою лошадь, все сложил и уехал из деревни.
- 00:04:02 **Куда-то в другое место, да?**
Да. В Челябинск.
- 00:04:10 **А Вашу семью пытались в колхоз привлечь? Или вы сами хотели?**
А у меня отец, он небогатый был, ему безразлично, в колхозе или единоличником. Дедушка Иван тоже небогатый был. Ему, отцу, безразлично было, в колхоз или крестьянином работать. Он у меня отец был такой, мастеровой. Сейчас таких мало людей. Мало людей.
- 00:05:05 **А помните, Вы рассказывали, что когда раскулачивали, да, можно было... вы детьми ходили по домам вот этих людей, которых раскулачили. Вот помните, это что, зачем, почему вы ходили?**
Это детство было. Раскулачивали. Некоторые богатые были, прятали все. Даже мелочи там, это, лен уже готов был или конопля эти, уже обработано было. Прятали. А мы их, когда выселили, они уехали. Дома пустые, мы лазили. Но детство было, понимаете, это детство.
- 00:06:06 **И что-то там находили, да?**
У некоторых детей много керенских [керенских денег] было, они их прятали возле трубы. А возле трубы тепло и сухо, и они это, на чердаке, в чердак засыпано земля. Прятали возле

трубы. Мы найдем эти деньги керенские — домой, стены облепим.

00:06:44

А они, нельзя было их уже использовать, да?

Они не ходили, они в ходу не были, керенские, не были деньги.

00:06:53

А Вашего дедушку, вот раскулачили из дедов [кого-нибудь]?

Нет. Он бедный был. У него нечего было брать. И у отца нечего было брать. Отец с удовольствием — «в колхоз надо, пойдем в колхоз».

00:07:16

А вот со стороны мамы?

А со стороны мамы дедушку за [нрзб.] тоже, как говорят, «потрясли».

00:07:30

Потрясли?

Да.

00:07:31

А как это, что это значит?

Вроде «раскулачили». А у него особенно тоже нечего было брать. У него пять сыновьев было, у дедушки, да три дочери. Ну что брать у него? Правда, он был церковной старостой. У нас церковь не в нашей деревне, а за 4 километра. Все равно он, ну божественный был раньше. При церкви там старостой был. Ну, его это, раскулачить. Сыновья сразу уехали в город. Дедушку Егора взял младший сын, дядь Паша, он врачом работа. Он врач гражданской войны был. Он жил в станции Петухи, это от Курганы недалеко, и сын его забрал. А бабушку забрал младший сын, дядя Яша. В Еманжелинск, это в Челябинской области. Бабушку забрал.

00:09:07

А дедушка, Вы говорите, что он бедный. А что же у него забрали тогда? Что было забирать у таких бедных людей, если его, Вы говорите, кулачили?

Вы знаете, это перегиб был. Нечего было брать. Ну у дедушки Егора две лошади было, но у него пять сыновьев было. А у дедушки Ивана у этого одна лошадка была.

00:09:46

И все равно считались богатыми, да? Что они вроде богатые?

Нет, дедушку Ивана богатым не считали. Он из бедной вообще семьи. Отец у него, сын один был, и дочка была. Тетя [нрзб.], она от первого брака была, а отец был уже от второго брака. Бабушку, бабушку в деревне звали «бабушка Большуха». Ну прозвище. «Да вон, бабушка Большуха!»

00:10:48

А расскажите, как вы жили? Чем Вы занимались, когда маленьким были? Была у вас какая-то работа?

В колхозе трудодни зарабатывал.

00:11:02

Это сколько Вам лет было, когда Вы в колхозе начали работать?

Лет двенадцать так вот. Даже этого не было.

00:11:14

Двенадцать лет. А что делали в колхозе?

Полол.

00:11:19

А еще?

Хлеба полол, скот пас. Вот занимались, каждый день трудовень зарабатывал. Как в песне поется.

00:11:33

А что эти трудодни давали? Ну вот заработали трудодень.

Вы знаете, в то время, когда коллективизация прошла, колхоз начался, все в государство сдавали. Все зерно сдавали. Значит, оставалось, отходы оставались. Решето, ну, вот хорошие или мелкие там через дырочки пролетели, вот это могли дать. А хорошие зерно все ушло в государство.

00:12:26

А на что же жили-то?

Как на что? Так жили. Бедно жили. Жили, как я Вам сказал, на траве жили. Какую я траву ел, Вы не поверите. Как весна — я ожил. Идешь в лес, уже знали, какую траву есть. Ели. Вот сейчас вот эти вербные почки. Как они расцветут, их набираешь в фуражку и ешь. Все ели подряд, лишь бы покушать. Пойдешь, уже весной, вот скоро уже береза образуется, утолщение березы, у нас ее «пенка» звали.

00:13:47

Пенка?

Да. Ну она сдиралась прямо. Вот пойдешь, верхник свой снимешь с березы. А это ножом, ой, как вкусно, сейчас бы поел.

00:14:07

Это же кора, да? Кору ели?

Да, молодая кора. А со старой корой, старая кора, переламываешь ее и вот так вот тянешь, там остается слой. Ели.

00:14:30

Это ели, потому, что другого кушать было нечего, да?

Ну а что там нечего, весной уже картошки на семена посадили, и все, ямы пустые. Поедут, уже коллективизация, отец уехал на товарный двор грузчиком работать, в Челябинске. Ну привезет там, мама поедет к нему, муки привезет немножко. Вот эту муку с травой перемешиваешь и ешь.

00:15:21

Это пекли, да?

Пекли. Вот эта трава гуси, которую щипят, косой накосишь, напротив печку, высушишь и замнешь с водой. И если есть мука, муки немножко бросишь, перемешаешь и в печку, и она засохнет. Ножом скребешь и ешь.

00:15:56

Это все так жили, или только у Вас так было голодно и бедно?

Нет, большинство. Столько народа поумерло.

00:16:07

А это когда умирало?

В 1937-1936-м годах очень много умерло. Есть такая трава, не знаю как, она растет, дикая трава, а там у нее зернышки. Вот эти зернышки называют по-деревенски у нас «жабрей». Вот человек наестся его, его сводит, понимаете? Весь организм сводит. И умирали некоторые.

- 00:16:54 **Это от голода ели?**
Да, от голода. Нечего было есть.
- 00:17:01 **А у вас в деревне от голода умирали люди?**
Да.
- 00:17:05 **Много?**
Много. Особенно сироты. Оставались дети, вот эти поедят, а потом воды напьются, и его сводит. И человек умирал. Семьями умирали.
- 00:17:28 **Это уже в 1936-1937-х годах?**
Да.
- 00:17:33 **Это так было голодно?**
Так урожай был в 1938-м году. Вот урожай был. Тут некуда было уже зерно девать. Тут немножко дали колхозникам на трудодни. А то не давали ничего.
- 00:17:59 **То есть, вы работаете, трудодни зарабатываете, а зерна не дают, да?**
Ничего не давали.
- 00:18:05 **А как же так можно? На что же жить-то? На что же жить, я не понимаю.**
Так вот жил народ. Вы понимаете, так вот жил. Как весна, вот картошка, на зиму картошка останется в земле, достаешь ее, а там крахмал. Вот этот крахмал ели. Очень плохо жили. Плохо жили.
- 00:18:40 **Оставались люди религиозные? Вот у вас в семье в Бога верили?**
Верили. У мамы было столько икон, теперь таких икон не увидишь нигде. И она когда из деревни уезжала, куда она дела эти иконы? Кто их забрал, кому она отдала? Такие иконы были. Сейчас тысячи, не одну тысячу эти иконы стоят. Такие иконы были хорошие.
- 00:19:20 **А Вас крестили в детстве?**
Конечно, мы крещенные. Не знаю, меня где крестили, я не помню.
- 00:19:32 **А праздники справляли?**
Праздники справляли. На праздники, как говорят, нечем было, но все равно праздники справляли.
- 00:19:44 **Как Пасху справляли? Вот Пасха скоро будет. Как справляли?**
Как, пекли пасху. У нас церковь за четыре километра. Ходили, ее туда светили. Но молодые бегали. У мамы племянники остались сиротами. Три племянницы. Отец в Германскую погиб, или в плен забрали его, а мать умерла. Они жили с дедушкой Егором, потом дедушку Егора

увезли. Они жили у одной тетки, потом, знаете, в деревне — «вы не нужны». А у меня отец такой желанный был, и мама тоже. Забрали этих сирот к себе, они у нас жили.

00:20:50

Так вам же самим есть было нечего.

Ну так вот, что было — все делились.

00:21:00

И вот они ходили светить, да, пасху?

Ленка, одну звали Лена. Мама дала ей, состряпала пасху, она пошла туда. И захотела, поела. Отломил пасху, поела, приходит: «Тетя Мария, я пасху оставила, на лошадях приезжают, из других деревень светить пасху. Я пасху оставила, а лошадь ее обгрызла». Были такие случаи.

00:21:49

А яйца красили?

Обязательно. Мало яиц давали, но все равно немножко набирали к Пасхе, покрасили, разговелись. Уже вот дикие утки несутся, уже скоро — мы с отцом пойдем в болото, найдем это от уток яйца. Переходим домой, самовар уже кипит, вокруг трубы настал. Сварят яйца, разговлялись. Вот так жили.

00:22:45

А вы в детстве в Бога верили?

Оо. За стол садился — перекрестился. Из-за стола вылез — перекрестился. В детстве. У меня мама тоже верующая была. Раньше все верующие были, Вы знаете, все верующие. В деревнях все верующие были. Все просили, чтобы Бог помог.

00:23:30

В школу Вы когда пошли и куда?

Школа через дорогу была. Улица, на одной стороне мой дом, наш дом стоял, а с другой стороны — Петра Сырых раскулачили, он сырье забрал в Нижний Тагил, дом пустой. И там сделали школу. Школа рядом была, через дорогу.

00:24:06

А кто учил в школе? Учительница ж была, да? Кто учил?

У нас учил наш деревенский, Буков Павел Егорович. Ну не знаю, где он учился и чего, но он учил. Нас учил.

00:24:32

Считать, читать, писать, да?

Все. До четвертого класса учил.

00:24:37

А потом куда пошли учиться?

А потом, в пятый класс уже за 10 километров.

00:24:43

Ходили туда, да? Или нет?

Ну да, родители снимали там у знакомых койку и жили.

00:24:55

Вы только жили там, да?

Да, из деревни кто учился, там по седьмой класс уже было. Там уже, пятый, шестой, седьмой

там заканчивали, в той деревне.

00:25:12

То есть Вы закончили семь классов, да?

Нет, я пять закончил.

00:25:21

А дальше? Почему только пять?

Плохо жили, нечего, работать надо, вот и работали.

00:25:34

А хотелось учиться? Интересно было учиться?

Интересно было учиться. Хотели учиться. Ну, как родители: «Ванька, надо трудодни зарабатывать». Так уже.

00:25:54

А Вы говорили, что Вы колхозное стадо пасли, нет?

Пас. Тоже трудодни зарабатывал. А потом в колхоз молодого бычка взяли, племенного. Я пас его. Он только меня знал. Только меня знал. Я только крикну его: «Ледок!» Он все голову вогнет и стоит ждет, когда я подойду. А то коров в загон загонит, я уйду куда-нибудь, он подойдет, жерди как начнет рогами разбрасывать. Бегут: «Ванька, ты посмотри, Ледок что делает!» Бежит [нрзб.]. На всех кидался, а меня знал. Только я крикну, он все. Вот скотина привыкала. Теленком его взяли в колхоз, а я его вырастил, уже здоровый был, племенной.

00:27:32

А у дома-то у вас какая-то живность была?

Коровенка была. И на той ездили.

00:27:40

Ездили? Это как?

Как — запрягали и ездили. Зерно сдавали из колхоза. Все коров, у кого были коровы, хомут ей, запрягали и ехали.

00:28:07

Это вместо лошадей, потому, что лошадей...

Вместо лошадей. И лошади были, но мало лошадей. В колхозе болезнь какая-то. В колхоз согнали лошадей, может, вредительство было, бог его знает. И все лошади подошли. Осталось там несколько лошадей. Болезнь лошадиная. Поедут пахать на ней — она падала в бразде и умирала.

00:28:58

А как родители к советской власти относились?

Ну, Вы знаете, по-разному. По-разному. Мои родители относились, они небогатые были, им безразлично. Отец, у него были руки золотые. Он сразу в колхозе, в кузнице работал. Все делал. И плотником, и жестянщиком, и кузнецом он был. Он все делал.

00:29:42

А были люди, которые не принимали, которые не хотели в колхозах долго, не нравилось которым? Были люди такие?

Были

00:29:52

А Вы их помните?

Они уезжали из деревни. Они более, ну «средняки», так назывались, жили. Было, на что уехать — уезжали из деревни, в города. Всем им уезжали. В городе хотя бы хлеб ели, а в деревне не было ни хлеба, ничего. Что было — и то сдавали.

00:30:28

А вы не хотели уехать, раз так голодно было? Не хотели родители уехать из деревни?

Нет, отец не хотел. Он работал, ему немножко давали. Работал он в колхозе. Вот кузнецу обязательное давали, тяжелая работа. А он работал, ему немножечко давали. Мы бедные жили, но не уезжали. Как говорил: «Не поеду со своего гнезда никуда».

00:31:08

Расскажите историю про волков.

Вот весной в лес я первый ходил. Я леса знал в окружности километров на шесть, хотя я был пацаном. Один ходил. Ушел я, там у нас называлось, три болота рядом были, так и местность называлось. «Где?» — «У трех болот». Ну, в деревне местность. И вот я пошел туда. Поел я пучки, в лесу растут. Пустотелье, с широким листом. Обдерешь и ешь. Или в болоте кугу.

00:32:16

А куга это что?

Ну, камыш. Камыш вот есть такой, а этот камыш — листья широкие. Не видели?

00:32:27

А может, не замечала. Теперь буду обращать внимание.

В болоте. И у него, когда эта початка вырастет, ее разбиваешь, она, пух летит от нее.

00:32:43

А, да-да, знаю.

Вот этот камыш.

00:32:48

Ели его, да?

Нет, ели, что там в воде выросло. Что мягкое — вот это ели.

00:33:00

Ну, Вы поели это, да, а дальше?

Я и сейчас вот на дачу приеду весной — там болот у нас, у меня слюнка течет. Обязательно по нашим деревням. Вытяну и очищу. Обязательно поем.

00:33:24

А про волков-то что дальше было?

Ну, я вот ушел, ягодок сестренкам набрал, кулек из березы свил. Ягодок — там несколько десятков землянички набрал. Обязательно сестренкам надо. Делились. Они у меня младше были. Ну, вот иду. А у нас там озеро, ну, по-деревенски «долгое озеро» называлось. Оно действительно не широкое, но долгое. Длинное. Я уже иду, думаю, что я иду по просеке. А просека — это два поля разделяется. Одно, а посередине дорога. Прямая грань. «Границе» называли ее. Иду, но не обращаю внимания. Иду. Потом голову так поднял, а там куст. Вот этот вербный куст. Представляете вербный куст? Там вербочки. Стал подходить, смотрю, батюшки. Волки. На дороге сидят. У меня волос — вот говорят, «от страха волос ходит». Я никому, если человек, у которого страх, у него волосы обязательно ходят. Обязательно, от страха. У меня прям заходили волосы. Остановился. Ну, у меня отец так, он не заядлый охотник, но охотился. Соберутся мужики: «От волков нельзя вертаться». Ну, я и пошел. Иду. А мне дальше, я если вернусь, я от деревни ухожу. Если они побегут за мной, мне некуда бежать. Я поравнялся с ними. Четыре по одной стороне дороги, три по другую. Семь штук. Я иду, как говорят, неживой иду. Поравнялся, они на меня смотрят. Я прошел дальше, к озеру спустился, немножко под горку. И побежал. Пока я к деревне, у нас «паскотель» называют, ну, луг. Выскочил, и меня

сорвало, я упал. Проблевался. Смотрю, волков нету зади. Поднялся, пошел домой. Отцу рассказываю, он: «Я тебе испорю всего, если будешь один ходить!» А у нас «тяти» зовут. У нас «папа» не зовут, у нас «тяти» зовут. «Тять, ну, я ходил к трем болотам, там ягодки» — «Я тебе дам ягодки!»

00:37:19

Он не бил никогда нас. Он справедливый был. Крестьянин он справедливый был. Он любил нас. Бедно жили, но все равно любил. Старший брат, он с 1923-го года, уже тут колхозы стали, работать на тракторе стали, брат трактористом стал. Отец не учился на трактор. Сели и поехал. Вот я говорю, да, что, человек был, дар ему был это все. Ведро он чинил сам, ведро делал сам. Кадочки делал сам, из дерева. В кузнице работал сам, кузнецом работал. Все у него, даже в деревне вшей много было, даже из коровьего рога гребешок сделал. Станок сделал, зубья нарезал, и этот гребешок в войну по деревне ходил.

00:39:00

А что, так нельзя было купить гребешок? Нет?

Ну, там покупали, но они не такие. А тем, если чешут голову, все гнидочки вычесывались. Зубья частые, тоненькие, настоящий гребешок.

00:39:31

Как в войну жили? Вот война началась, что изменилось? Что делали вы в войну?

В войну? Вот началась война — на второй день уже похоронки пошли.

00:39:52

На второй день?

Вот сегодня началась, на второй день уже похоронки пошли. Ой, слез столько было. Утром просыпаюсь — там плачут, там плачут, там плачут. Все молодые, с 1919-го года, их только взяли в армию перед войной, и они сразу попали на фронт. Сразу на фронт попали, погибли.

00:40:38

А у Вас? У Вас в семье?

У меня отца взяли в 1942-м году, а Петю взяли тоже в 1942-м году. Отец без вести пропавший. Ой, как сейчас скажу. Под Ленинградом Волховстрой. Слышали такое? Там, где-то остался. А брат пришел раненый, пришел, уже после войны умер. А меня взяли в 1943-м.

00:41:31

А до этого что делали? Что делали, пока война шла?

Вот эти два года я на тракторе работал. Был почетный тракторист.

00:41:48

Вам лет 16 уже было, да?

Нет, не было.

00:41:51

Не было? А сколько было, когда на трактор сели?

Пятнадцатый год. Уже самостоятельно работал. Я разбирался, девчата работали, мужчина бригадиром был. Он с девчонками там. А мне: «Иван, ты вот там будешь работать». Ну там поля разные, меня отдельно. Я уже разбирался в машине хорошо. И я работал один. Бегут, у девчонок что-то там: «Ванька! Вань! Вот не могу завести трактор». Было все. Я, как говорится, молодой был. По-деревенски я здоровый был, как говорят. Мог поднять все самостоятельно. И я уже за взрослого был, как говорят. А девчонки что-нибудь не могут сделать, кричат меня: «Иди!» А руки мерзли. У меня по настоящее время пальцы мерзнут. Обмороженные были. И вот. Мерзнут.

00:43:38

А это где вы их обморозили?

В деревне, в МТС [Машинно-тракторная станция]. Цеха не отаплились, все холодное. Детали холодные. Все холодное. Пока, до МТС 18 километров был. Идешь домой, руки замерзнут. Оно постепенно все сказывалось. В 1943-м мне семнадцать не было. У меня день рождения 24-го ноября, а меня взяли в армию 10-го октября.

00:44:31

Семнадцати не было? Восемнадцати?

Семнадцати не было, какие восемнадцать, семнадцать не было.

00:44:38

А как же так взяли в армию шестнадцать лет?

Ну семнадцатый год — брали. В семнадцать лет уже брали. В войну в семнадцать лет всех забрали. В 43-м году, вот считай, в 43-м году, 26-му году сколько было? 1943-й и 1926-й.

00:45:04

Повестка пришла, да?

Да. С вещами. А я, что-то я, крышу крыл в сарае. Сажу наверху, слышу — мать заплакала. Повестка пришла. И вот 10-го октября меня забрали.

00:45:42

Страшно было?

Нет. Всех брали. Нет. Нас сразу там, напекли, мать напекла, какая мука была, испекла там лепешек. В мешок, через плечо и пошел, Ванька.

00:46:14

А дальше куда вас отправили?

В военкомат. В Киров нас привезли, Киров — 18 километров от деревни. Нас собрали там и повезли на станцию. От станции Мишкино, от нашей деревни, 50 километров. А от Кирова, считай, 30 километров. Ну вот, привезли на станцию. Из Челябинска уже там по дороге брали тоже призывников. В каждом вагоне. И остановились нас в вагоне, пошли. Случай, когда в вагоне нас, а ребята, но не с моей деревни, с других деревень в МТС работали, знали друг друга. За 20-30 километров друг друга знали. А городские ребята — ну, давайте в кучу-малу играть. Ребята говорят: «Иван, иди, куча-мала будет». А вот вагон — «теплушка», я называю, да. Эти дуги проходят. Я встал за дуги, за эту ухватился и стою. А они, городские ребята: «Мы сейчас его сомнем». Они друг на друга лезут, а я как стоял, так и стою. Все, в вагоне тишина. Тишина в вагоне. А ребята: «Иван, давай, иди, в кучу-малу будем».

00:48:31

А дальше, где Вы служили?

Это нас, значит, привезли в город Ялуторовск. Это Омской области небольшой городишко Ялуторовск. На... речка-то, на Тоболе. Река Тобол протекает, город Ялуторовск. Я там, значит, учебку проходил. И вот учебка, тоже случай, с одного сержанта сапоги содрали. Некоторые ребята из дома ушли в хороших сапогах. В хромовых, как говорят, хромовые сапоги. С песков ребята приходят: «Иван, — забыл уже, много лет прошло, — в моих сапогах сержант ходит». «Как в твоих?» — «Да» — «Мы с него сдерем». Прижали этого сержанта, сняли с него сапоги. Он надел ботинки, в ботинках ходил. А сапоги мы сняли с него.

00:50:15

А после учебки куда отправили вас?

Значит, в 1943-м в декабре я присягу принял. В декабре, по-моему, 11-го декабря присягу принял. А присягу принимали, знаете, читали. Читали присягу. Сейчас я наизусть, а мы просто прочитали и все, приняли присягу.

00:50:52

А куда отправили потом?

Я, значит, в Ялуторовске, я в учебку, я попал в минометный батальон. 82-миллиметровый минометный батальон был. Я попал минометчиком. В 1944-м весной приехали в часть покупатели. Мы их звали «покупатели». Нас выстраивали. Они проходили по строю. Подходят, смотрят: «Фамилия». Называют фамилию. После этого они, там две команды было. Вот в такую команду. Как будут вызывать — в такую команду выходи строиться. Вот у меня с учебки на станцию, в вагон. И повезли. Куда везут? Вы знаете, как говорится, железную дорогу не знали. В какую [сторону] — на север, на юг, на восток, на запад везут. Долго везли. Никто не мог понять, куда везут, на восток или на запад. Потом уже разобрались. Нас на восток везут. Привезли нас в Нижнеудинск. Это Чита, Нижнеудинск, вот в тех краях. И тоже в ограду нас. Шикарная ограда. Солдаты, как говорится, «кадровики» мы их называем. Кадровые службы.

00:53:24

А «ограда» — это что значит?

Ну, городок. Военный городок. Все как на подбор. Из станции Маритуй обратно приехал «покупатель». Опять выстроили: «Вот такая команда будет — выходи». Я попадаю на озеро Байкал, в станцию Маритуй. А это на станции Маритуй стоял, ну, ожидали все, поняли, все-таки в войну-то, Горнострелковый полк, войск НКВД. Только в горах. Там в горах были точки, минометчики стояли, пулеметчики, саперы. Разные подразделения стояли. Гарнизонами.

00:54:38

Они там как бы ждали, да?

Они служили, ждали. Служба была — горнострелковый полк. Только по горам.

00:54:52

А что такой полк делал?

Службу нес

00:54:56

А что в эту службу входило? Вот они в горах, да?

Занимались, строевой занимались, огневой подготовкой. Стрельбища. Службы, ну как вот обычных солдат, сейчас занимаются. Сейчас не занимаются. Это раньше занимались. Строевая, огневая, политподготовка.

00:55:25

Это вас как-то особо в НКВД выбрали, да?

Да.

00:55:29

Какие-то параметры были или что? Почему?

Не знаю. Я здоровый, малый был. Еще, как говорится, деревенский порох не вытряс. Вот нас сюда пригнали в горнострелковый полк. Неделю нас откармливали. А горнострелковый полк, он обслуживался по первой категории. Вы понимаете категорию?

00:56:12

Ну, я знаю, что первая, наверное, самая лучшая, самая высшая, да?

Да. Ну, там сахар давали килограмм уже, в горнострелковом полку. То есть, примерно, в других частях там по 400 грамм, а там сахар давали по килограмму солдату.

00:56:36

Это уже была весна 1944-го, да?

1944-го.

00:56:40

То есть, еще год оставался до конца войны, да?

Да. Ну, вот после, значит, в этом, на станции Маритуй, вот этот горнострелковый полк, я пробыл, наверное, месяца два, наверное, не помню. Тоже весной уже. Приказ, полк в ружье и в эшелон, в 1944-м, весной. И нас повезли на запад.

00:57:24

А куда? Куда привезли?

Привезли нас, значит, стоял, разгрузили нас в станции Северная Двина. Северная Двина, и река Северная Двина протекала. Вы знаете, я не думал, что столько еще войск вот в этой Северной Двине. Там, значит, на отдых с фронта, там землянки, казармы, с фронта на отдых в этой Северной Двине.

00:58:15

Очень много было, да, народу?

Там столько войск было. Я не думал, что столько еще войска. Вот в Западной [в Северной] Двине нас разгрузили, так. Там мы позанимались, ну, тактические занятия были, там, строевая. Потом опять покупатели приехали. Опять покупать. Обратное, давай, выбирать нас. Фамилии сказал. Или счастливый я такой был, меня записали, вызывают, выходим в эшелон, и привозят нас в Барановичи. Слышали? Беларусь, Барановичи. Привезли туда, интересно было, в сад. А яблоки только стали появляться, яблочки кисленькие. А нас, сибиряки, уральцы в полку, оттуда все. Яблоки — это мы сроду не видели. И вот эти яблоки, к утру в саду ни одного яблока не стало. Все яблоки стали в котелках варить, есть, так ели. Весь сад. И нас Смерш давай вызывать, проверять рюкзак. Наши вещмешки. А мы поели яблоки, чего уж. И вот тут я попал в это, я не знал, что такое Смерш. Это особое дело. Как наперли, и Ванька не знает, что не только там сказать. И не знает, что сказать ему.

01:00:46

А он что вам говорил? Смерш

Зачем яблоки сорвали? Не нашел яблоки, все равно, зачем яблоки сорвали? И вот нас потаскали, потаскали. С Барановичей я попадаю в опервзвод.

01:01:20

А что он делает, этот опервзвод?

Опервзвод... мы, значит, парашютисты уже были. Вот, ловили парашютистов, немцы забрасывали. Но мало. Наши пленные попадали. Я помню, один в плен попал. Ну он, что он там сдался или как? Ну в плен попал человек. Ну вот я попаду в плен, я ничего не знаю. Деревенский Ванька. Меня хоть сейчас расстреляют, хоть позже расстреляют. Я не видел ничего, кроме своей деревни. Ну вот, попали в плен. Там надо сбежать, он записывался, вроде работают у них. А потом их забрасывали в тыл в наш. А мы уже тут ловили.

01:02:35

То есть опервзвод, он ловил парашютистов, да?

Не только парашютистов. И бандеров, которые не хотели советской власти, эти сведения. комитет давал сведения. Я потом с этого, этот опервзвод, там пригнали бронепоезд, его опервзвод в бронепоезд включили. И я в 26-м бронепоезде тоже. Это уже он ходил по рельсам. Комитетчики работали в тылу.

01:03:26

А что значит «комитетчики»? Это кто?

КГБ. Они уже в тылу работали. Где-то группа, банда появилась, они дают знать: «Вот здесь банда, нужно ее обезвредить». Вот и мы, бронепоезд, на какой станции, в Белоруссии я уже все станции позабывал. И до самого, от Бреста и до Ковель. Это уже северная граница наша. Белорусская граница. Вот мы обслуживали.

01:04:27

То есть, фактически, Вы на поезде передвигались с этим оперотрядом, да?

Нет, только нам командиры дали данные, где. А мы солдаты, что.

01:04:44

А что Вы делали? Вот Вы как солдат с этим отрядом, что Вы делали? Какая у Вас была конкретная служба?

Уничтожать. Сопrotивляется — уничтожать.

01:04:57

А это вы окружали эти банды каким-то образом, да?

Белорусы быстро смирились, они не стали сопротивляться. Они быстро смирились и перешли уже в сторону советской власти. Там уже не было банд. А вот когда на Украину нас перебросили...

01:05:34

А когда вас перебросили на Украину?

В 1944-м году.

01:05:38

А куда на Украину?

Я сначала попал в Стрый. Город Стрый такой. Тернополь, Стрый, Ивано-Франковск. А там уже труднее было. Мы двоих потеряли ребят.

01:06:14

Это как было? Расскажите. Какое-то сопротивление было, как это все было?

Сопротивление было. Они схрон, под землей жили. У них там. Вы знаете, мы там проческу делали местности. Поле, чистое поле, кустарник растет. А этот кустарник — лазейка в подпол была, в схрон в этот. Или чтобы воздух был, у них трубка из-под земли торчит и едет туда воздух, в этот схрон.

01:07:09

«Они» — это кто?

Бандеры. Вот они, вся западная Украина. Они еще там и сейчас есть.

01:07:21

А что они хотели, эти бандеровцы?

Самостийную Украину. Они боролись за Самостийную Украину.

01:07:35

А вы, соответственно, должны были их уничтожить?

Уничтожать. Потом стали видеть, что не получается. Стали приходиться уже, мириться.

01:07:48

Они стали мириться? Или вы каким-то образом стали?

Политика есть политика. Они уже стали...

01:08:00

А был какой-то случай, который Вы помните? Какой-то бой, может быть?

У нас один погиб. Забыл уже, погиб парень. В дом зашел и в русской печке заслонку открыл. А он с пулеметом сидел в этой печке. И убил солдата нашего. Застрелил. Но правда, и его, он вместе с хатой сгорел. Тогда не считались.

- 01:08:47 **То есть сожгли эту хату, да? А жители, которые в хате были, они-то ушли?**
- Там не было никого. Он один, бандера, сидел. Потом они уходили, которые не хотели, уходили из деревни. Переходили в Советы, как говорится, как они называют, «Советы». И днем работает, а ночью бандер.
- 01:09:29 **То есть Вы были в войсках НКВД, которые боролись против вот этих бандеровцев?**
- Да, порядок наводили. Как раз выборы были. Идешь, на выборный участок не идут, пришли с урной в хату. Голосуют. «Ну, что ты не идешь?» — «Я боюсь, меня потом убьют». А придет с урной — урночка такая небольшая — голосуют. А в избирательный участок не идет.
- 01:10:10 **А как к вам местные жители относились?**
- Они, Вы знаете, они настолько были напуганы советской властью. У нас погоны красные были. Они знали — краснопогонников бойтесь. Это солдаты, они могут убить, краснопогонники. Ну, народ был напуган.
- 01:10:54 **То есть боялись вас, да?**
- Боялись. А против бандер борьба стала. До этого не было борьбы. Они и у немцев, и против немцев, и против нас они шли. Это одно прекрасное время, как потом узнали, наши войска на отдых, ну, на отдых с фронта оттянули. А эти бандеры на них напали. Ну, это в секрете было, конечно. А Жуков узнал. Тогда, значит, он, стала борьба с бандерами. А до этого не было борьбы.
- 01:11:58 **А они, значит, и с немцами, и с Советами?**
- И с Советами, да.
- 01:12:05 **Просто за Самостийную Украину, да?**
- Самостийную Украину, да. Они и сейчас за Самостийную Украину. Западные регионы, вот Тернополь, Стрый, Черновицы — это за Западную Украину. Самостийную Украину.
- 01:12:26 **Вот они боролись за Самостийную Украину, Вы им не сочувствовали? Вы как бы все время были вот таким вот человеком, который исполнял службу?**
- Да, обязательно.
- 01:12:39 **Не сочувствовали им, нет?**
- Ну мы же плохого им не хотели. Ну, живите спокойно. Мы же жили при советской власти. Почему вы не хотите жить при советской власти? За эти тоже не хотели. Вот Грузия тоже там же, там же тоже, вот город такой, Поты, слышали, наверное.
- 01:13:17 **Да, да.**
- Те тоже не хотели. Но с ними по-другому поступили. Подогнали эшелоны, так. И, значит, специальные, ну, тоже войска НКВД. С гор. Их аулы. И мы говорили: «Взять то-то, то-то», что необходимо. И привозили в Поты. А в Потях стоял эшелон. Сажали их в вагоны. Это уже мы принимали их. Там другие части вывозили с гор. А мы уже их принимали в вагоны. И везли, значит, везли мы до Томска.

- 01:14:32 **Это депортация была?**
Да. Вот эту Западную Украину надо было всю вывезти туда. Сибирь большая, матушка, пускай работали б там.
- 01:14:49 **Всех украинцев западных, да?**
Да. Все бы. Я бы так сделал. И не надо войны. Не надо войны. Вот как этих, они не хотели, кавказский там — турки, грузины, абхазцы, н, кто не хотел. Там не разбирались. Из аулов выселяли — и все.
- 01:15:21 **Когда Вы депортировали, это еще раз, какой год это был? Вот уже в Поти.**
Это был, скажу... 1945-1946-й год, примерно.
- 01:15:42 **А все-таки, кто были по национальности эти люди?**
Больше какие-то турки. Солдат че, разбирался в национальности?
- 01:16:00 **Вы просто сопровождали вагон, да?**
Да.
- 01:16:04 **Как охрана?**
Как охрана.
- 01:16:06 **А как они ехали, Вы помните? Вот как они ехали?**
Мы их, значит, нормально везли. Мы их даже горячей пищей кормили. Заказывали, значит, примерно в Челябинске заказали горячую пищу. А я, значит, поваром был для солдат. У меня был вагон, котел стоял там. Я варил солдатом пищу.
- 01:16:46 **А, так Вы были поваром, Вы, значит, не охраняли вагоны?**
Почему это?
- 01:16:51 **Охраняли?**
А как же. Все заодно.
- 01:16:55 **А где вот сидит охрана, которая везет вот такой состав?**
В вагоне с ними не сидели.
- 01:17:03 **А где?**
В вагоне, специальный вагон для охраны.
- 01:17:09 **А там много было в вагонах человек, народу?**

Много было. Много. Человек... полный вагон был, Вы знаете, не считали, но много народу.

01:17:23

И мужчины, и женщины?

Да. Семьями. Семьями. Но молодежь ни одна не уехала. Они все убежали в горы. Привозили стариков, старух, детей.

01:17:42

А как же они, сколько же вы ехали-то? Сколько вы ехали?

Долго ехали. Долго, дней, наверное, 5-6 ехали. До Томска ехали.

01:17:57

Вы их только до Томска сопровождали, да?

Нет.

01:18:00

Дальше?

Дальше. В Томск, мы в Томске их накормили горячей пищей. Подогнали баржу, перегрузились на баржу.

01:18:18

Внутри, в баржу, да?

Ну, внутри, сверху, в баржу. И мы их повезли дальше, в Колпашево.

01:18:32

А это где?

Туда, по реке Томь, дальше, на север. Мы их привезли в Колпашево. Там уже их ждали. Там уже были им построены бараки свободные. А их встречали те люди, жили там, как называем, кулаки. Вот в России кулачили, их туда отвозили тоже, и они там жили. А их, значит, встретил я одного, ну, старика уже. Он солдатик. «Это что, — говорит, — их привезли, у них все уже готовое». «А нас, — говорит, — когда раскулачили, вот по реке Томь идет баржа, значит, к берегу причаливает, по фамилии вызывали, лез, и высаживали. И пароход дальше пошел, баржа, а мы остались в лесу. И вот с этого начинали мы жить». Это в коллективизацию. Вот с этого. Его, этого старика привезли, ему было 9 лет, 11, вот так вот. «Я, — говорит, — маленьким пацаном привезли меня. Я тут и вырос».

01:20:22

А вот эти вот турки, которых везли, все доехали?

Да почти все. Только одна бабка под вагон залезла оправляться. Ее зарезало.

01:20:40

А остальные доехали, да?

Да, доехали, нормально.

01:20:46

Не жалко вам было их? Их же все-таки сгоняли с мест.

А че, нет, ну, как говорится, солдат, мое какое дело. Я же не распоряжаюсь ими. Это власть приказала это делать.

01:21:03

Ну нет, так, ну, по-человечески.

Ну обращались как с людьми. Нет. Питание — горячей пищи в Челябинске мы кормили их.

Пока их кормили, я к брату убежал, с братом повидался. У меня брат в Челябинске жил, родной и двоюродный. И вот я знал, где живут. К Мишке прибегаю, уже ночью, поздно уже, не знаю время. Стучу, он открывает: «Ты чего?» А я в белой курке. Как на кухне сидел у своего котла, так и побежал на КБС. В Челябинске есть КБС, такой район. Ну вот я туда, на КБС, вот прибежал, его поднял, пошли к Пете. Петю подняли, пришли на вокзал. А они, Мишка, они работали в милиции. Они нашли там водки, выпили. И я это, эшелон уже покормили, погрузили все. Я лег и спать. Солдаты утром, петропавловские, стали кушать, а у меня котел холодный.

01:22:49

А вот этих вот депортированных, их чем кормили? Пока вот не приехали, до Томска они что там ели?

Паек выдавали

01:22:57

Паек, а что было в пайке?

Хлеб, ну там, селедка. Голодные они не были. Из дома они, набрали из дома [нрзб.].

01:23:14

А помните, как победа-то...

Это мы в Барановичах стояли. Приехали мы, Осипович есть городишко. Оттуда мы на операции ездили. Приехали в Барановичи, на станции жили. Ну, наш бронепоезд на станции стоял. Война кончилась. Господи, боже мой! Но для нас, что она была, не конец. Мы еще на операции ездили, нас гоняли. Там бандиты, там бандиты.

01:24:07

А долго Вы вот так еще после войны служили?

Я из Ивано-Франковска уехал в Москву в 1948-м году.

01:24:24

Это у Вас закончилась служба, да?

Нет, служба не закончилась.

01:24:29

Не закончилась? А как в Москву, почему в Москву?

Было указание Сталина собрать парадный полк, парадный полк, не ниже метра, 79 [см.].

01:24:49

А у вас какой рост?

У меня [метр], 82 [см.]. Солдат из войск МВД, НКВД, пограничных, железнодорожных. Значит, какие у нас еще относились. Сопровождение грузов МВД. И вот с этих войск собрать парадный полк. Меня вызывают в Ивано-Франковск, я стоял в станции Калыш. Калуш, это тоже западная Украина. Недалеко от [нрзб.] станции Калуш наш взвод стоял. Вызывает меня командир взвода, говорит: «Бушмин, давай, тебя вызывает в штаб полка. В Ивано-Франковск». В Станислав было. Ну, я приезжаю, там комната приезжих была. Смотрю, ребята тоже здоровые. Мы там побыли, нас собрали, сколько там положено, и повезли в Москву. Привозят нас в Москву, выгружают и везут. Вы не знаете, где конвойный полк в Богородское стоит? Там конвойный полк МВД стоит.

01:26:53

А где это, Богородское, да?

В Богородское. Район тот не знаете?

- 01:26:59 **Знаю. Почему, район знаю.**
Вот где, сейчас я вам скажу, где резиновый завод.
- 01:27:17 **Да, все, могу представить.**
Вот здесь недалеко, вот этот конвойный полк, он и сейчас стоит там, в Богородское.
- 01:27:26 **Первый раз же в Москве оказались?**
Да.
- 01:27:28 **Ну и как? Что почувствовали-то?**
Отпустили нас в город. Мы сели в метро и по метро катались. Где нам выходить? Мы не знали. Ни остановку Сокольники не знали, надо было в Сокольники выходить. И вот мы по метро долго катались. По Охотному, до Охотного ряда, обратно. Катались, катались, не знали потом, как мы выбрались. Нашли это свой полк в Богородское. Вот там 136-й полк конвойный был, пограничный [пограничный], а наш полк был 432-й, парадный. Командир был в дивизии, генерал-майор Иван Иванович Шуляков, царство ему небесное. Вот мы стояли там, потом нас стали одевать. Топать, параду учиться. Сапоги нам выдали яловые, набили железяки, чтобы слышно было, как по брусчатке идет-стучит. И вот мы уже, майский парад мы уже топали.
- 01:29:20 **Это майский парад какого года?**
1948-го года.
- 01:29:24 **Его можно найти, да? Его уже можно посмотреть, он же снимался, да?**
Наверное, конечно.
- 01:29:31 **Ну и как? Как Вы чувствовали себя?**
А чего, мы не занимались, только строевой у нас, строевой.
- 01:29:41 **Нет, когда парад был, на параде.**
На параде? Голову повернул, на Мавзолей посмотрел, кто там стоит — разве увидишь?
- 01:29:55 **Сталина-то видели?**
Анекдот есть. Уборщица спрашивает: «Где работаешь?» — «В Кремле». «Сталина видела?» — «Видела». «Где?» — «На картинке». Так и мы. На Мавзолее. А че там, протопали. Когда там рассматривают — тут держи равнение, и голову так повернули, и все. Что там увидишь. В Мавзолей прошли, чуть спустились, вниз уже, и к Москва-реке, уже все. Ничего мы не видели там.
- 01:30:43 **А репетиций на Красной площади сколько было?**
У нас репетиция была на выставке. Вот где эти...
- 01:30:56 **ВДНХ?**

Нет. Где вот эта крестьянка с рабочим стояла.

01:31:03

ВДНХ

Возле этого бюста мы маршировали. Ну, приезжал, Буденный приезжал, смотрел. Начальник войск, командир дивизии. Ну, смотрели. Буденный приезжал вот туда, смотрел, как мы, войска НКВД, идут.

01:31:43

Вы гордились в этот момент, что Вы в войсках НКВД?

Да, вообще-то. Гордость была. Потому, что нас одели прилично.

01:31:59

Нет, я спрашиваю не поэтому, а вообще. Вы, когда попали в войска НКВД, стали служить, у Вас было какое-то особое чувство, что это непросто?

Да, это непросто было. Это спецвойска считали. На Украине мы ходили, в Белоруссию ходили. Это уже не всем, вот именно войскам НКВД доверяли. Мы этим гордились, да. Гордились.

01:32:36

А вот после парада, дальше, что было?

После парада, значит, в машины — и в ограду Богородскую.

01:32:47

Нет, я имею ввиду, дальше. Ну, годы-то идут.

Служили.

01:32:52

А где?

В этой ограде в Богородское, в ограде 136-го полка. Там много казарм было.

01:33:07

А какая именно была служба? Что делали? Что значит «служить» в такой части?

Строевая, огневая, оружие изучали.

01:33:23

Ну хорошо, дальше. А как Вы в Бутырку успели служить?

Вот так я и попал. Приехал тоже покупатель. Покупатель приехал, мы ходили на увольнение. Один товарищ, он на увольнение ходил, познакомился с девчонкой. А у этой девчонки в Бутырке работала сестра с мужем вместе. Ну он пришел и говорит: «Иван, пойдём в Бутырку работать». Я говорю: «Ты что с ума сошел? В тюрьму работать? Не пойду». — «Пойдем!» А потом мы с ним к Косте ходили, к Покровским. В увольнительный пойдешь — ходили туда. Они жили в 45-м доме, вот, сейчас, где пенсионный наш. Знаете? Не знаете? Вот в ограду под арку в Бутырку идешь, а рядом жилой дом. Туда, к Горлову тупику. Дверь. Наш пенсионный отдел. Они тут жили. Ну вот, пойдём. Приехали тоже, Краев приехал. Покупатель нас в полк записал. Ну записал, записал. А мы так, служба у нас продолжалась в Богородское. Потом, приезжает это Краев. Нас демобилизуют уже.

01:35:33

Это какой год?

[19]50-й. Вот с [19]48-го мы ходили, майский парад прошли. Октябрьский парад мы прошли в [19]44-м году.

01:35:54

В [19]48-м.

В [19]48-м, правильно. А потом попал я, Краев приехал, записал нас. Стали проверять нас. А проверяли, значит, на родину отсылали документы, там проверяли. Кто родители, проверяли.

01:36:22

Так Вас должны были уже проверить. Вы же уже в НКВД служите. Мало, да?

Мало. Это уже служба, а это проверяли уже кадры. Бутырские кадры проверяли. «Мама, приехали?» — «Приехали, спрашивают, кто мы, с какой семьи, судимый кто, не судимый». А который товарищ записался со мной, у него отец судимый. И он не попал, а я попал.

01:37:10

Так как же, вот Вы решили, что вот, как же в тюрьме работать, а как потом поменялось это ощущение, что можно работать? Не страшно. С чего?

Когда нас уже в смену, будешь работать, ну, по сменам уже нас. Ну, там же ребята-то работали на обыске, выводить в суды, туда-сюда. Пока мы ее узнали, хода и выходы тюрьмы.

01:37:49

Нет-нет, вот Вы расскажите, вот тогда с самого начала. Вот Вас уже проверили, да? Первый день работы, помните? Как пришли-то первый день работать в Бутырку?

Да.

01:38:00

Расскажите.

Ну, вот пришли старые работники, старые служащие, как бутырские работники, заядлые. Группа обыска, давай, заводим заключенного в комнату, раздеваем его, как мать родила, и проверяешь вещи. Вот так вот. Они говорят, вот так обыскать обязательно надо. Телесный осмотр, а потом вещи проверяешь, продукты сначала проверяешь. С продуктов начинаешь, продукты проверил, убрал, его вещи проверяешь. Вот я и работал в группе обыска.

01:38:57

То есть, вот как Ваша должность называлась с самого начала? Как она называлась?

Как, ну, в группе обыска работаю. Группа, там разные смены, группа надследственная идет, выводит следователей. Группа в баню выводит мыться. Группа обыска, специально камеры обыскивают. Группа обыска на сборном отделении, когда вновь приходят заключенные, его на сборном отделении выискивают. Так, разные группы были.

01:39:42

То есть, в принципе, это охрана?

Охрана, да.

01:39:48

Вы работали, соответственно, в группе обыска. А вот этот первый раз, помните, когда обыскивали, это было как-то страшно, непривычно, неприятно? Как это было?

Да, это были... ну, человек, он голый стоит, ты его обыскиваешь. Задний проход смотришь, рот смотришь, проверяешь все. Его телесные, под мышками. Везде, где может спрятать, что-то привязать, все осматриваешь.

01:40:24

Что чувствовали, вот в этот момент, первый раз, что чувствовали?

Да я как-то посмотрел, ребята, я как-то, я быстро к этому привык.

01:40:37

Но было какое-то...

Нет.

01:40:39

Не было?

Нужно, значит, нужно. Такая служба, ребята говорят, такая служба у нас. Ну, такая, значит, будем делать, выполнять.

01:40:53

Было так, что обыскиваете, и все-таки что-то нашли?

Особенно... ну, были там деньги, куда они спрятали. Найдешь деньги, все равно сдавали деньги, по квитанции сдавали. Ему выписывали квитанцию, он ларек получал. Были случаи, как их называют сейчас в милиции, нечестные милиционеры-то. Как их называют?

01:41:34

Оборотни.

Оборотни. И у нас были оборотни.

01:41:38

Это как?

Тоже присваивали.

01:41:44

Имущество заключенных?

Нет.

01:41:47

А что?

Могли деньги присвоить.

01:41:51

Ну, заключенных?

Да. Тоже были случаи.

01:41:59

А знали об этом? Товарищи как к этому относились?

Вы знаете, я настолько, не знаю, или в детстве я так воспитан был — чужое не брать, честно жить. Я как-то быстро к этому привык. Лежит она, не мое — я не возьму. Не мои деньги — я их не возьму. Я до копеечки пересчитаю, дам на квитанцию и ему квитанцию выпишу.

01:42:46

Вы долго работали в этом отряде обыска? В этом отряде.

Если так разобраться, пока на пенсию не ушел.

01:42:57

То есть все время, да?

Я на этом, на сборном отделении работал. И в суды сажал, и принимал вновь прибывших, я все делал. Это не моя служба была. Это служба была офицера. Но мне доверяли.

01:43:22

Сопровождать суд, да?

Нет, сажать

01:43:26

А как это, сажать?

Там конвойный полк стоит, машины стоят у двери. Они принимали.

01:43:33

То есть Вы доводили, да?

Они проверяли и сажали.

01:43:40

Вот люди, которые попадали в Бутырку, мы вот у них брали интервью. У них вот такой, свой взгляд. Человек, который сидел в Бутырке. Вот расскажите, пожалуйста, вот как Вы к ним относились, вот к этим вот людям? Они для вас кто были? Все виновные? Или просто...

Вы знаете, я сколько проработал, я всегда молодым сотрудникам, их призывал к честности. И всегда я был настроен, вот я на корпусе, у меня там 15 камер на корпусе. Я старший по корпусу. Я должен зайти в камеру, пересчитать их, на вопросы ответить. Наш брат ведь, знает — ладно, сиди! Я когда заступаю на дежурство, мне столько вопросов задавали. Когда я эти вопросы, я просто должен корпусной раньше проверить и обслужить. У меня такое отношение к ним — он сидит за дверьми. Он не может ни выйти никуда, он только, по сигналу я подошел: «Что вы хотите?» К начальнику или в санчасть — заболел, или в оперчасть, другие вопросы. Я должен — я выполнял. Вы знаете, я исполнительный был перед заключенными. Вот они ждут, когда я приду на службу. Другой корпусной ответит, форточку закроет, ну и ладно, сиди. А я проработал сколько — я не в таком духе работал. Какие обязанности на меня налагались, я их выполнял. И до сих пор я молодежь призываю честно работать и откликаться на вопросы заключенного. Он заключенный, он человек. Он не может выйти и куда-то сходить. А мы обязаны ему помочь в чем-то. Вот в таком духе я проработал 43 года.

01:46:43

Были какие-то моменты, когда сочувствовали? По-человечески сочувствовали кому-то?

Кто, я? Нет, у меня одно сочувствие — если он обращается к начальнику или куда, должен быть, вот это было мое сочувствие перед заключенным. Я обязан. Если он заболел, в санчасть сводить. Или вызвать врача. Это моя святая обязанность. Другой раз женщины сидели, вот стучится одна. Подхожу. Я говорю: «Что Вы стучите?» — «Я больная». Я говорю: «Что болит?» Чего-то она мне сказала. Я думаю, врешь ты. От этого, как ты стучишь в дверь и как ты себя ведешь, больная так не ведет себя. Я говорю: «Милая моя, ты врешь. Вызову я тебя сестру, врача. Но ты симулянтка». Вот я распознавал заключенных. Так что и проработал я 43 года. Это с ума сойти.

01:48:24

Были какие-то истории, которые запомнились? С этой женщиной понятно. А какие-то запомнились? Люди какие-то, может быть, запомнились? Заключенные, истории какие-то?

Запомнилось, когда дверь выбили. Высшая мера наказания, да, приговорили. Выбили доску в дверях и вылезли в коридор. А мой Витька Косоров там на посту стоял. Он в туалет зашел, и лестница стояла там. Лестницей, чтобы его не взяли, стоял. А как раз утром дело было. Звонок. Дежурная в комендатуре взяла трубку: «Что случилось?» — «У нас все в порядке». А уже трубку взял заключенный. Нет, тут не все в порядке. Прибегаем к дверям, слышим шорох на коридоре. Заключенные там. Ребята, мой корпус. Двери открываю, и прям это, они в эту дырку обратно в камеру залезли. Мой корпус, я отвечаю, я первый должен идти. Я ж не знал, есть у него что в руках. Он сейчас по голове меня. Мне некогда было об этом думать. Мне было думать, что у меня постовой там один. Живой он или нет. Но, слава Богу, все обошлось.

01:50:52

А еще какие-то были вот такие истории?

Что Вам можно сказать. В общей камере человек по 50 сидело. Больше.

01:51:13

Как же они там помещались?

Как — так. Помещались. В одной камере разбушевался один, а были железные чайники. Им давали в камеру. Чайник взял, на стол встал: «Не подходи, убью». Захожу. Заключение — все лежат. Все лежат. Этот стоит на столе, я стою вот так перед ним. Он с чайником стоит. Я говорю: «Ну что ты разошелся?» А заключенные лежат. И много их, и все равно тихо лежат, ждут, что дальше будет. Я стоял, стоял, на него смотрел. Ждал, когда он, мне достаточно было — он глаза отвел, и этого достаточно было. Я делаю рывок и его за ноги сбиваю. Подергаю, и он с чайником летит. Заключение: «Ха-ха-ха», — смеются. Говорит: «Попал». Ну его в карцер посадили, и все. Я его не бил, ничего. Вывел и все. У меня рука на них не подымалась ведь, Вы знаете.

01:52:55

А почему?

Ну вот не подымалась. Если я только на прием возьму его, на прием, в конвоировании, и все. А чтобы бить — у меня рука не подымалась.

01:53:11

А кто-то бил? Были ли люди, которые били?

Ну, если он сопротивляется. Было дело. А еще, случайно, в мягкий бокс посадили одного. А там старые вот эти флаконы висели. Он оторвал этот флакон. А там скамеечка, лавочка такая. Он встал: «Не подходите, не ходите, убью». Вот с этим флаконом стоит. Дверь открыта в мягкий бокс. Стою. Он стоит на лавочке, я стою в дверях. Ребята тут кричат: «Давай щитом загордиться, чтобы его там прижать». Ребята уже знали. Говорит: «Ну, сейчас будет делов. У Лукича, — говорит, — коленка затрясается». Нервное. Сейчас будет. Кто водой льет его. Я туда подныриваю под него, его сбиваю. И тут водой меня обливают. Говорит: «Ну все, хватит лить водой. Лукича облил водой». Вот такие были случаи. Нужно было брать. Брать нужно.

01:55:00

А страшно было?

Нет.

01:55:02

Ни разу страшно не было?

Не-а.

01:55:05

Как так? Не бывает такого.

Нет, я смело шел. Он же заключенный. Он стесняется сопротивляться. Он стесняется. Он не будет стесняться, когда, если вверх его, они могут что угодно сделать.

01:55:28

«Вверх» — это что?

Ну, перед контролером. Одного утопили же у нас в 49-м году.

01:55:36

Это как? Как это такое?

Как утопили? В камерах сейчас туалеты, а раньше параша были. Представляете, большой бочок. Вот ходили, оправлялись в этот бочок. Раньше, если не пойдешь, там на лыжи выходили. Не пойдешь — начальник смены вызывает тебе нотацию делать. Бывший стоял на посту. Нужно было Бывшего вызвать. Его пошел другой заменил. Подменил. А этот Бывший пришел в комендатуру. Тому ничего не сказал, чтобы не открывать камеру. Они постучались, видят — новый постовой. Дежурный — бочок надо, парашу вынести. Он открыл, они его в эту парашу головой утопили. В моче. Моча там, все. И утопили. Бывший фамилия его была. Когда уже другого поста сигнал тревоги дал, Бывший сразу все. «Убили, — говорит, — наверное его». И действительно, они его утопили, насмерть. В это, в [нрзб.] он утопился. Наглотался этот дрянь.

- 01:57:29 **А Вы говорите, страшно не было. Как же, такие вот вещи?**
Ну, я как-то, вы знаете, я смиренно шел. Один меня в глаз, ударил вот сюда, подбил глаз.
- 01:57:54 **Это как было?**
Камеру, я стою, а камеру постовой открыл, а он мне сразу кулаком сюда. Но я камеру не закрыл. Наоборот, я ее открыл настежь, туда зашел и его скрутил.
- 01:58:23 **Разница была между политическими, те, кто шли по 58-й, и уголовниками? Какая-то разница, вот Вы для себя чувствовали?**
Я захватил, конечно, политических уголовников. Но их в камере содержалось гораздо меньше.
- 01:58:44 **Политических?**
Да. Там маломестные камеры. Ну, пускай. Если даже все койки были заняты, там на полу один-два спали, ну, человек 6 -7- 8.
- 01:59:03 **Разница какая была между уголовниками и политическими? Отношение Ваше, их к Вам, как они вели себя, что было другое?**
Ну, уголовники, они... как Вам сказать, они были воры в законе, простые воры. Раньше очень сажали, много сажали, по 192-й, без прописки в Москве. Это было жутко; 92-я, 92-я, 92-я.
- 01:59:47 **А что значит «без прописки в Москве» и «сажали»? Это как, за что?**
Что без прописки живет в Москве.
- 01:59:52 **И их сажали в тюрьму?**
Да. Одна женщина, ее фамилия была Мишустина, она шесть раз сидела. Без прописки. Шесть раз вот эта Мишустина. «Как! Опять Мишустина пришла?» Год дадут, она год отсидит, выходит.
- 02:00:27 **Год давали за то, что без прописки?**
Да. Она выходит. Пока опять милиция ее не заберет, она бродяжничает у пивнушек. Ее опять сажают. Вот эта Мишустина шесть раз. Потом, наверное, где-то в лагере умерла. Наверное. Уже пожилая женщина стала.
- 02:00:57 **В лагерь отправляли?**
Да.
- 02:01:00 **А вот политические, вот эти 58-е, вот расскажите, до какого года сажали по 58-й статье?**
Ой, Вы знаете, я... 58-я статья шла у нас, наверное, по [19]50-й год.
- 02:01:34 **По [19]50-й?**

Да.

02:01:38

А дальше не было? Вот Вы же там уже [19]53-й встретили, дальше не было?

Нет.

02:01:44

Не было?

Здесь уже они содержались Лефортово [Лефортовская тюрьма]. На Лубянке, в Лефортово. Потом построили тюрьму в Сокольниках. Построили тюрьму, вот когда посадили эту группу-то...

02:02:09

Врачей?

Нет, не врачей. Ну, этих, как она... ну, на два лагеря раскололись они. Наши политиканты-то.

02:02:26

Меньшевики?

Нет, ну...

02:02:30

Троцкисты?

Да вот эти, в одной группе были вот этот... коммунисты были, как их, блядь.

02:02:50

Ладно, не мучайтесь.

Ей-богу, я уже их...

02:02:56

Ладно. То есть, уже политические в Бутырке не сидели с [19]50-го года, но Вы застали, да?

Да.

02:03:06

Просто вот, как раз с [19]50-го года...

Отношение? Мы же знали, кто сидит в камере. А политически заключенные — пожилые уже мужчины. Молодежи нет политических. Все пожилые. Уже заходишь в камеру, если что-то там надо проверять, уже обращаешься не как с уркой. Или с вором. А уже как с человеком. Ну, пожилой человек. Раньше политических много было. Ни за что могли посадить. Сказал слово, сосед написал на тебя — и будешь политический. И все.

02:04:03

Вот Вы сейчас познакомились с Юрием Валентиновичем, он как раз в это время сидел по политической статье в Бутырке. Как раз, по-моему, Вы должны были его где-то там застать.

Может быть. Я старался, Вы знаете, я Вам честно говорю, я старался не запоминать.

02:04:29

Почему?

У меня выработалась такая, я вот пришел на работу, порог я переступил Бутырки, проходной, я работаю. Что я тут делаю? Заключенных мы обыскивали, вожу, ну, все бывает. Я вышел обратно — я забыл. Вот у меня такое выработалось сознание. Меня на воле встречали, в

электричке встречали, заключенные бывшие. Разговариваю я с ними. Как-то они на меня зло или как, или у них не оставалось, потому, как я относился не как к заключенным, а как к человеку. Он человек. Ну, ошибся. И политические, я знал, что политических могли посадить ни за что. Сосед написал на тебя — и пошел. В деревнях, помню, ночью приезжает черный ворон, сажает, увозит и с концом.

02:06:02

В деревню черный ворон приезжал?

Да. По местности. Примерно в нашу деревню. Я знаю, мужиков приехали, увезли и с концом.

02:06:22

А вот эту женщину, которая за колоски села, расскажите про эту женщину.

02:06:28

А, это наша деревенская. Наша деревенская. Отсидела она.

02:06:34

Как ее звали?

Анна. Анна Беленькая. У нее волос белый был, как вот у меня. Ее так дразнили, Анна Беленькая. «Какая Анна?» — «Да, Анна Беленькая». А у нее было три девчонки. В армию взяли, на фронт мужа, а три девчонки, одна меньше другой были. И вот они, она там пошла, колоски, горсть зерна в карман положила. Ей дали шесть лет. Шесть лет дали. Она отбывала наказание в лагере где-то на востоке. А попала в лагерь, в этом лагере работал один надзиратель с нашей деревни. Дело, проверяет, откуда. «Да, с деревни Патриарша». Анна Беленькая. Ну, она это, сидела у него. Потом выходит. «А я, — говорит, — встретила Семку Некрасова. Он в лагере в таком-то работал».

02:08:05

А Ваша семья, вы тоже пытались как-то, мама пыталась колоски, зерно собирать? Или картошку.

Сестренки. Сестренки. Один пришел, раненый в руку, у него пальцы, его комиссовали. Он пришел, бригадиром стал. Тоня с этой, с Валею, с Кланей, колоски собирали, а он, этот раненый, их разогнал. А он бригадиром на лошади ездил. А там у нас болота были, Тоня в болото в это залезла, Валя маленькая, на руки взяла, Кланя тут рядом держалась, а он их разогнал. А бригадир тракторного отряда, Колька Пичугин, Петя у него работал, я у него работал, отец у него работал, он бригадир. А он как раз приезжал тоже. «Че ты?». Забыл, как его звать-то. Семка! «Ты че, Семка тут?» — «Да вот, [нрзб.] девчонки колоски собирали» — «А где они?» — «Да вон, в болоте». Он говорит: «Что ты делаешь?» Кнутом его лошадь сиганул, он уехал. Он кричит: «Тоня, выходи!» Сестра вышла с этими, с Валею и с Кланей. «Ну, идите домой». А ему: «Петька с Ванькой выйдут из армии, тебе не миновать». Потом он умер там, в деревне. Не дождался, чтоб мои демобилизовались. Умер. Был такой. Он и был-то в ребятах нехороших. И вот когда его комиссовали с армии, он бригадиром стал. Тоня сейчас, когда встречаемся, сейчас его ругает. Говорит: «Я чуть не утонуло с ними. Еще б чуть поглубже зашла, я бы Валю не удержала».

02:11:15

Это все из-за колосков, да?

Из-за колосков.

02:11:19

А могли ведь и посадить их, да?

Они, что сажать, там одной было в то время 10 лет, а этой было, одной 7, одной 2 года или 3 года было. Что их сажать, куда их сажать.

02:11:40

Когда Сталин умер, помните?

Да. Я дурачок, от Бутырки, значит, шел по Пушкинской, дошел до Пушкинской площади. Хотел попасть туда. Вот на Пушкинской площади, на той стороне, если не на стороне издательства Известия, а на той стороне, где дома стоят, там магазин. Лез по этим, по крышам, пробирался туда, к Красной площади. Потом до дурака дошло до этого, до памятника этого, ну, напротив Дома Советов я вышел. Думаю, куда я иду? Ведь задавят меня сейчас. Машины переворачивали. Это я еще видел сам. Вот машина стоит, вот я попал первый к машине. Я толкаю машину, а сзади меня толкают. Переворачивали.

02:13:23

А это машины, которые сдерживали толпу? Это что за машины?

Грузовые машины ставили, чтобы толпу сдерживать.

02:13:33

И толпа их переворачивала, да? Так и не посмотрели?

Я ушел. Сразу я вышел к этому, сюда, в сторону Козицкого переулка. И обратно на Чехова и на Новослободскую. И ушел. И больше я не пошел Сталина смотреть.

02:14:08

А вот когда он умер, Вы как к этому отнеслись? Что Вы чувствовали?

Вы знаете, как раз смена заступала на дежурство. Василий Васильевич Хлючиков приходит, начинает говорить: «Все плачут, — плакали все. Слезы сами по себе катились. — Сталин умер». Ну а что сделаешь? Ну, жили, веровали в Сталина. Это было выше Бога.

02:14:55

Вы, религиозный человек, считали, что Сталин выше Бога?

Так считали.

02:15:01

А Вы?

Ну я чего, молодой был. Тоже плакал. Тоже слезы лились. Васька Хлючиков выступает, все плачут: «Иосиф Виссарионович умер». Все со слезами. И у всех слезы лились. Вот так вот, вера в него была такая. А против его же ведь нельзя было говорить. Вот, представляете, листок газеты. И там, если на работу идешь, если ты пожрать взял что-нибудь с собой, завернул в газету, и увидели на проходной то, что с газетой идешь, развертывали и газету выбрасывали. Не дай Бог, Сталина, Ленина или там другие члены правительства. Это ЧП.

02:16:21

Если в эту газету завернуть еду?

Да. Это было ЧП. В газеты вообще запрещено было идти на работу, пищу завернуть. Вообще запрещено. Чтобы ни клочки газеты не было в тюрьме.

02:16:45

Это для того, чтобы заключенные ничего не знали?

Не читали чтобы, да.

02:16:53

После смерти Сталина что-то изменилось в тюрьме, в самой Бутырке? Распорядок, ну что-то?

Меняться стало, когда... нет, после Сталина сразу режимы — все оставалось. Потом уже стали менять. И режим стали менять. И отношение к заключенным. Не все же относились примерно, как я. Я не сочувствовал, а обязан был делать. Я не сочувствовал заключенным. Я не знаю, за что он сидит. И я не старался знать. У меня вот такая была манера. Сидит он, я дела читал, принимал я их. Я не старался запомнить их. Не старался изучить его. Он мне не нужен.

02:18:08

А другие как относились, Вы говорите...

Может, другие по-другому относились, я не знаю. Были, которые связь имели, а за связь с заключенным — это тюрьма. Взял ты записку — это тюрьма. И узнали, а узнать проще всего. Тебя тут же продадут. Заключенные тут же продадут.

02:18:50

А почему брали? Сочувствовали или брали какие-то деньги, или что-то выгадать старались? Почему передавали, например, записку? По какой причине?

На квартиру шли, а те им отстегивали что-то. А я говорю: «Ты идешь, идешь ты, — молодежи говорю, — куда ты идешь? Тебе голову там оторвут. К кому ты идешь, ты не знаешь, тебе голову оторвут. И не найдем мы тебя». «Правда, Иван Лукич, правду ты говоришь». Я говорю: «Тебе голову оторвут, и не найдем мы тебя. Нечего хранить будет».

02:19:33

У Вас должность была, вот это вот как называлась, «старший по корпусу»?

Старший по корпусу.

02:19:38

Старший по корпусу. Это какая-то...

Вот именно заключенные на корпусе, я должен знать, что на корпусе делается. Кому чего, кто обращается. Если заявление я собираю, читаю заявление, если, которое заявление могу сам решить, сделать, я делаю. Нет — к начальнику хожу. Звоню начальнику: «Просит заключенный такой-то». По какой причине, зачем он просится, или в оперчасть просится, меня не касалось. Надо — иди. Ну, я тоже, надо, чтобы заключенный из камеры вызван, надо тоже оперативно вызвать, чтоб подозрений у других не было. Скажет: «Ага, стукача вызвал». Работали заключенные, некоторые работали, у начальника даже некоторые работали.

02:20:54

А как это? Что это, заключенные?

Ну, что в камере делается — начальник уже знал. Начальник тюрьмы знал. У него тоже человек был, который ему все. У меня один белорус стоял. Подрез, царствие небесное. «Лукич, зайди ко мне вот с таким-то». Думаю, с чего он вызывает. «Слушаюсь!» — захожу. Он стоит. Он ему говорит, Подрез, начальник, Подрез был. Говорит: «В левом кармане, — говорит, — у тебя деньги лежат». А он у заключенного взял, что-то обещал. Чай, что ли, обещал принести. Он говорит: «Вот в этом кармане у тебя деньги лежат, — так, туда-сюда, — вытаскивай, вытаскивай! Ну, что ты сейчас стоишь, вытаскивай! Вот в этом кармане деньги лежат. Даже знал, в каком кармане деньги положили.

02:22:16

То есть, в камерах были осведомители?

Да.

02:22:19

А Вы о них знали? Ну, Вы лично знали?

Нет.

02:22:22

Нет?

Некоторых знал, некоторых не знал. Я, ну, так, я догадывался. Я же все-таки знал, кто чем дышит. Большинство я знал. «Вытаскивай, вытаскивай!» — говорит. Вытаскивает. «Ну, что? Садись, пиши. Рапорт пиши на увольнение».

02:22:54

А вот вы между собой, охрана, осведомители как назывались? Стукачами или осведомителями? Как?

Заклученных?

02:23:05 **Ну, которые были осведомителями, да.**

Стукачами.

02:23:08 **Стукачами? Так и называли, да?**

Его оперативник вызывает, уже знает, стукач он или не стукач. Уже знаешь. Из камеры его выводишь строго, чтобы подозрение [не вызывать]. Даже это, другого подтолкнешь, но и что-нибудь грубое на него скажешь. Тоже оперативное, чтобы подозрения не было. Это тюремная работа, ее надо изучить. Изучить. Чем тюрьма дышит, надо знать.

02:24:07 **После [19]56-го, после XX-го съезда, что стало меняться? Вот, например, в тюрьме.**

Вы скажите, когда он был, XX съезд?

02:24:27 **В [19]56-м.**

Мы жили работой больше. Съезды...

02:24:32 **Ничего не менялось, не чувствовали?**

Нет, политзанятия были у нас. Политзанятия были, да. Ну, Вы знаете, сидишь, слушаешь — вышел и забыл. Конспекты писали. Конспект Сталина, Ленина, члены правительства, Ворошилова, Кагановича, Молотова. Писали автобиографии.

02:25:05 **Иван Лукич, вот видите, Вы рассказываете про это ужасно тяжелое время, про раскулачивание, голод в деревне, да.**

Очень голод было. Столько народу полегло, много. Поумирали. Ели, что попало. Зимой лошадь подохла. Ее, так называлась, «поганая яма». Туда в эту яму вывозят. К утру ее уже разрубят всю. Увезут домой, сварят и едят. Ну мы, как говорится, царство небесное, мы не ели это. Падали мы не ели. Мороженую картошку мы ели, а падали не ели.

02:26:18 **Ну вот смотрите, такой голод. Вы сочувствовали с политическим заключенным? Вы когда-нибудь оценивали, вот откуда вот этот был ужасный голод в деревне? Вот из-за чего это все? Политические вот эти процессы, политзаключенные. Вы когда-нибудь думали, почему это все было?**

Вы знаете, кругом было вредительство. Вредительство. В колхозе начали лошади дохнуть, чуть вообще без лошадей не остались. Прямо лошади дохли. Была болезнь — сибирская язва, или «шатунь» его называли. Пашу, закачалась лошадь, упала и все, подохла. Вредительство было.

02:27:16 **То есть по-настоящему вредители были, да?**

Да. Но это не рабочий класс. Это выше. Выше люди, грамотные люди занимались. Но в деревнях кого могли купить? Богатого могли подкупить. Вот эти, кто этим занимается.

02:27:48 **То есть, чтобы он вредителем был, да?**

Да. Могли богатые, богачи. У нас в деревне особенно богатых не было. Особенно богатых не было. Так среднички.

02:28:06

То есть, эти репрессии были обоснованы этим вредительством, по-Вашему? Вот как это?

Наверное, их, ну, кого там могли завербовать? Богатых. А бедных, чего вот моего отца вербовать? Он и так бедный. И если колхоз будет, он и там будет. Он не будет богач.

02:28:36

Нет, я спрашиваю про политические процессы. Ну вот огромное же количество людей.

Ну, в деревнях политических особенно не было. Вы знаете, в деревнях особенно политических заключенных не было. Может, были единицы, так. Ну, вот, Медведева... забыл, как звать-то. Он грамотный был. Колхоз образовался, он кладовщиком был. После приехал, черный ворон забрал его и с концом. У нас в деревне, значит, один кулачил, ходил. Такой, вот как клюшка толщины железный трос. Вот он ходил в этих, в сараюшках, в амбарах. Искал, кто спрятал добро, что-нибудь. А какое там добро? Самотканые там. Вот он ходил и в землю [нрзб.]. А потом, мы пацанами были, ходили, искали тоже. Видишь, свежая земля, значит, что-то закопано.

02:30:11

Ну, и он ходил, а что с ним дальше стало?

Двоих застрелил, один. Двоих. Они небогатые были. Ну, вот пошли в эту, кулачить. Они бедные были сами. Ну, ненависть кулакам. Доверили ему, он готов был спрашивать, как заключенных, так и это, как кулакам относились. Кто просто относился. Вот дедушку Петро раскулачили, он кузнец. К нему водили лошадей ковать, колеса, шины сделать, там отремонтировать что-то, к нему. Он делал. А потом его раскулачили. Когда раскулачили, колхоз образовался. К нему уже пошли: «Дедушка Петро, иди в кузницу, то-то сделай». Он отцу: «Лука Иванович, мы пойдем». Вот они с ним все делали. А за что его раскулачили? Что он кузницу держал. Что он людям добро делал. Лошадь подкует, или там что-то сделает. Раскулачили.

02:31:54

Кто же виноват в том, что раскулачивали? Кто виноват?

Кто виноват? Власть виновата, власть. Не разбирались, докладывали им — неверно докладывали. Неверно докладывали. Друг друга предавали, как говорится. Злой на соседа или на кого-то — значит, докладывал, писал. Его осуждали, его увозили. Канал копать. У меня один, Ванька Маркин, его посадили за колоски. Он был несовершеннолетний, все равно его посадили. Значит, в [19]49-[19]50-м году, по-моему, брат приезжает, Петя. Говорит: «Ванька Маркин живет по Савеловской дороге». В Марке, станция Марк. Там живет. В Икше. Я говорю: «Ну поедем». А я пацаном был. Петя его немножко помнил. Приехали в Икшу мы с ним, спросили. Мы там уже знали, где он живет, спросили. А он за каналом в бараке жил. Приходим, нам дом сказали. Барак. Стоим. Петя говорит: «Да вон, Ванька рыжий идет», а он рыжий. Он говорит: «Ванька Маркин идет, рыжий». А мы с Петей стоим у калитки у него. Это его посадили в [19]30-м каком-то году, а мы пришли к нему в [19]50-м. Сколько лет прошло. А потом он рассказывает, как он остался вообще живой и как остался он в деревне в Игнатово. Он был несовершеннолетний. А канал копали, когда министр был Ежов. А он, как малолетка, трапы чистил. На вагонетках все, на тачках вывозили землю, по трапам. А Ежов приехал туда, а Ванька, это, снег. «А это что, заключенный? Ну-ка его ко мне», — Ежов вызвал его к себе. «За что ты сидишь?» — «За колоски». Он его не освободил, а перевел работать в кузницу, там тепло. И вот он остался живой. Потом освободился и в Икше женился. И жил там. И вот мы к нему приехали. Стоим у калитки, он идет. Петя говорит: «Привет, привет, Маркин». — «А вы кто?» — «Мы кто? Ну, отгадывай, кто мы». А он, пацаном из деревни его посадил. «Отгадывай, кто мы». Он смотрел, перебирал, перебирал. На брата говорит: «Вот этот на Марию Егоровну похож. А этот я не знаю, на кого похож». А вот на Петю говорит: «На Марию Егоровну похож». На маму. Ну ладно, угадал. Мы вот, а их дом напротив нашего дома, только через улицу стоял. Маркиных. Вот я к нему ездил, ходил, навещал его. Потом он умер. Царство ему небесное. Вот так вот люди сходятся. А у него, значит, сестры были, брат был. Они уехали в Свердловскую область, в Нижний Тагил. Там работали. Потом он с ними связь наладил. Они приезжали к нему, в Икшу. Через много лет родные встретились.

02:37:06

У Вас супруга откуда? Где Вы с супругой познакомились?

Это мне супруга, это так, супруга. Моя супруга умерла в [19]92-м году.

02:37:18

В [19]92-м году. А вот с ней Вы где познакомились?

С супругой моей? В армии. Значит, там было дивизионное подсобное хозяйство. Знаете, «солдат, давай езжай, на подсобное, там надо поработать». Ну, поеду. И познакомился с ней. И на солдатской книжке расписался.

02:37:55

Это в каком году было?

Это было в [19]51-м году.

02:38:03

У Вас сколько детей?

Двое. Сын у меня армейский, как говорится. Она забеременела, я еще служил. И родился, я еще служил. А дочь уже после, уже отслужил. Это я с женой жил. Она приехала, она в деревне жила. Она приехала ко мне, значит, где клуб ГУВД, по лестнице спускаешься, не по первой, по второй. А там была комната, комсомольский секретарь, комсомольского [нрзб.]. «А где, жена приехала?» — «Жена, законная жена». Он говорит: «Ну ладно, я комнату вам, у меня в комнате». А я, где сейчас следственный отдел, представляете, тут домик стоял, а в подвале в этом домике жили, мы жили. Ну я туда матрас принес, шинельки, две шинельки, вот с ней спали на этих шинельках. А сын у меня уже родился. Уже в [19]50-м году сын родился.

02:39:46

Иван Лукич, а вот когда с кем-то знакомитесь, узнают люди, что Вы работаете в Бутырке, как относятся? Вот интересно, вот это что? Вот Вы когда-нибудь обращали внимание?

Вы знаете, я как-то, может кто обращает внимание, я на это не обращал внимание. Я могу, пускай об меня, об моем положении или об моем настроении, или об моем, как угодно, но я со всеми, даже он меня, как говорят, «насолил, враг мой», я все равно с ним разговариваю. Вот жили мы в бараках, в бараке там же 12 семей жили, со всеми по-разному. Мне как, грязи много делали, но я не серчаю, у меня нету сердца на его. Ну такой человек, потом понимали, понимали, что не правы. В бараке жили, дали комнату на две семьи, 11 метров. У меня сын уже был, а другая молодая семья, муж с женой. И нам дали вот это 11 метров. У меня сын, качка стояла, и мы с женой. Я, их кровать стояла. Пока мы с ним не поскандалили, нас не расселяли. Поскандалили. А поскандальить он, «упрям и хохол», как говорят. Упрямый хохол. Я ему говорю: «Выключи радио, сын спит», в ночи, а он его включает. Пока я не встал, за грудки его не взял, как следует. Нас вызвали, оперативник вызвал. Я говорю: «Ну я не мог. Я им сто раз предупредил, нельзя, сын спит. Меня в ночи тянут, на дежурство».

02:42:22

Что такое, в ночь? Это сейчас они сидят, в телевизоре смотрят, что в камере. А раньше топали. Поставили меня на особый пост. «Особый пост» это политический, номерной. У него фамилии нет. Я не знал его ни фамилии, ничего. Номер знал, номер такой-то, все. Приезжаю, приходит наследственный, номер такой-то, все. И вот стоишь у него, чтобы он не порезался, чтобы он не повесился. И вот ты глядишь в этот глазок, 12 часов на ногах. Вот служба была, тяжелая была. Ой, Господи, все пережили, все пережили.

02:43:24

Вы, эта служба имеет какие-то звания? У Вас были звания? Погоны какие-то?

Я с армии пришел ефрейтором. Самое большое звание.

02:43:37

А здесь, а в тюрьме, уже были какие-то звания военные?

А здесь я дослужил до старшего прапорщика, уже три звездочки.

02:43:48

На пенсию прапорщиком старшим ушли, да?

Да.

02:43:53

Еще, кроме той депортации, Вы еще принимали участие в депортации каких-то народов?

Вот турок мы выселяли, ввозили их туда, в Нарымский край. А больше таких, белорусы, потом украинцы, они немножко притихли. Они притихли, стали работать, стали жить. Пока вот сейчас они хвост не подняли, пока западной Украине дали волю. Это не это, не российская Украина взяла. Это западная. А украинцы, они очень, народ, которые могут туда-сюда, туда-сюда. Да-да. Они могут туда и сюда. Эти приглубили — они могут с ними. Эти приглубили — могут с ними. И могут тебя продать и что угодно сделать. Ну, украинский такой народ. А почему? Они же жили под разными государствами. Венгры, поляки, чехи. Они, те политику такую ведут, эти — такую. Они по-разному. Они не успевали привыкнуть. Вот в России они жили, обрусели, они стали русскими. Сколько украинцев у нас живет? Очень много. И поженились, и живут, и сейчас живут. Они не очень одобряют украинцев тоже, что они там. Старые украинцы, которые здесь живут. У нас разве мало украинцев сейчас работают там, на севере, где добывают нефть, где руду добывают? Много украинцев работают. Работают, они довольны. Они не очень одобряют, кто там затеял мородобийство. Они не очень одобряют.

02:46:50

Иван Лукич, Вы в партию вступали?

Сейчас партийный билет лежит. Да.

02:46:56

А в каком году вступили?

В [19]52-м или в [19]53-м, не знаю.

02:47:09

И до сих пор партийный билет, да?

Лежит. Лежит. Не знаю, сколько он пролежит еще, но лежит. Вот не знаю, к этому, где это, партийный организатор. Пойти, показать: я партийный. Жуганову, Жуганову.

02:47:32

Жуганову?

Да.

02:47:37

Иван Лукич, Вы верите в Бога? Вот сейчас Вы верите в Бога?

Вы знаете, как Вам сказать, в Бога я как с детства верил, я верю в Бога. Но в попов я не верю. Мне по долгу службы, у меня командир был взвода Аргудяев. Это, не знаю, кто, мордвин или чуваш. Ну отсюда вот, откуда-то. Аргудяев, да? Понимаете, фамилия какая. Он у меня командиром взвода был. Когда мы, уже будучи вот в этой нашей службе с бандерами, он был командиром взвода у меня. Ну, мужчина средних лет любил к бабам сходить. Он мне: «Иван, я сегодня уйду, я буду там-то». Я знал его все похождения, где он находится. Если из дивизии или из полка звонит командир взвода, я уже знал, где он находится. Я бегу. Как связной я. И он, Аргудяев, молодец был. А на Украине, значит, наша точка стояла, наш взвод. По железной дороге, уже я станции позабывал, другая точка стояла, другой командир взвода. Вот что-нибудь надо — я иду. Или я бесстрашный был. Иду, бандеры в школах работали. По деревням бандеры были. Я иду, по деревням сходил, я не боялся. У меня гранаты за поясом. И иду по деревням, спрашиваю, как в такую деревню попасть. Мне говорят. Бог меня миловал, никто ко мне не придирался. И никто меня не трогал. В деревнях остановимся, не знаю, бандер он или не бандер. Спрошу и иду дальше. Как-то я не думал, что меня сейчас убьют, там, бандеры. Я об этом не думал.

02:50:55

Думаете, Бог хранил, да?

Может меня Бог хранил. Бог его знает.

02:51:06

А вот когда служили уже в Бутырке, оружие когда-нибудь приходилось применять?

Именно оружие

Нет. Нет. Даже не было здесь ни разу, чтобы применить оружие, не было. Ну здесь к кому применять оружие? Если кто убегает — ворота одни и другие. Сейчас у первых ворот не стоит постовой, а раньше постовой тоже стоял. Вот чтобы попасть вот сюда, в промежуток ворот, где поворот в люкс, тут место было. Там ворота, там ворота. Там осматривали, там осматривали. Один убежал. С прогулком перелез, вот тут механическая мастерская. Вы не ходили, где наш клуб? Не были?

02:52:26

Нет еще. Нет.

Тут механическая мастерская была. Следственное управление, где сейчас, тут жилой дом был. Жили сотрудники. А освещался — электрический провод был с этой механической переведен в жилой дом. И заключенный сбежал и по этому проводу перелез в жилой дом. И на терраску — и спрыгнул, уже на Новослободской улице. Ну, ногу повредил, и его задержали.

02:53:17

Это был такой один случай, да?

Ну, а второй случай был, ну, их быстро задержали. Они побоялись, что электро, вот эта сетка, она под током, они побоялись. По периметру сетка. Они уже вышли сюда, перелезли с прогулки, перелезли с камеры на склады у нас в ограде. Перелезли на склады, перелезли вот в ограду, им осталось одно препятствие, вот этот забор. Они побоялись. Они, там у склада стояли баллоны эти, газовые, сварочные. И они сели там и сидели. А с лесных ворот постовой шел. Они вылезли: «Дежурный, веди нас». Он видит — заключенный. Ну, что же, он их привел, шесть человек привел в комендатуру. А они уже, осталось им, если бы они не побоялись эту проволоку, они бы ушли. Не все, но ушли бы. Они бы, у них связали веревку, сделаем все. Они бы ушли. Но они побоялись вот это, что под током. И они сдались. А с режимного корпуса ушли, с шестого корпуса они ушли. Режимный корпус. Постовому звонят: «У тебя побег с этой камеры». Они окно разбили, спустились, веревку сделали, спустились во двор и залезли на крышу. Они побоялись вот этой, что под током она. А если бы они не побоялись, они бы ушли. Шесть человек с режимного корпуса. Звонят: «У тебя побег вот с этой камеры». Дежурный: «Как побег?» — «Посмотри». Смотрят, а там меньше народу стало. Вот был случай.